

Литературный факт.
2024. № 4 (34)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-8-31>
<https://elibrary.ru/AAWLWU>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (34), 2024

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Федра» Расина в переводе М.Н. Муравьева (по материалам ОР РНБ)

© 2024, А.Д. Ивинский

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00375 «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода» (<https://rscf.ru/project/23-18-00375/>).

Аннотация: Статья посвящена переводу М.Н. Муравьева трагедии Ж. Расина «Федра». В XVIII в. она полностью не переводилась на русский язык, поэтому данный опыт, хоть и оставшийся незавершенным, представляет интерес для истории русской драматургии. В научный оборот вводятся три первых явления первого действия трагедии, которые хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Мы связали этот текст с сохранившимися в рукописной «Записной книге» поэта (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки) отрывками из «Федры», «Фиваиды, или Братьев-врагов» и «Ифигении». В «Записной книге» же было найдено несколько стихотворений Муравьева («Для стихотворства не надобен ум», «Пииту ль мало упражненья» и др.), в которых выражено его почти восторженное отношение к Расину. Еще один источник, к которому мы обратились, — письма Муравьева к отцу Н.А. Муравьеву и сестре Ф.Н. Муравьевой из Отдела письменных источников Государственного исторического музея; опираясь на них, мы высказываем гипотезу о том, что перевод «Федры» был завершен к началу 1776 г. При этом мы реконструируем историко-литературный контекст скрытой полемики Муравьева с А.П. Сумароковым, в частности, с его «Мнением во сновидении о французских трагедиях». Отвергая претензии «северного Расина» на гегемонию в русской драматургии, Муравьев выдвинул на первый план Расина «настоящего» и М.В. Ломоносова, наследником которых он себя мыслил.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, история русской литературы XVIII в., переводы Ж. Расина, «Федра», А.П. Сумароков.

Информация об авторе: Александр Дмитриевич Ивинский — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9007-3996>

E-mail: ivinskij@gmail.com

Для цитирования: *Ивинский А.Д.* «Федра» в переводе М.Н. Муравьева (по материалам ОР РНБ) // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 8–31. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-8-31>

Творчество М.Н. Муравьева изучено неравномерно и все еще недостаточно. С одной стороны, его литературная биография, обширная переписка, переводы, в несколько меньшей степени — лирика, плодотворно изучались (см.: [5; 6; 7; 13; 14; 15; 16; 19; 20; 21; 25; 26; 27; 28 и др.), с другой — до сих пор большая часть его наследия не только не исследована, но и не собрана и не опубликована.

Особенного внимания заслуживает раннее творчество Муравьева, о котором мы знаем меньше всего. Так, Л.И. Кулакова отмечала: «В тетрадах 1768–1771 гг. рядом с решением математических задач можно видеть написанные детским почерком имена писателей разных стран, выписки, переводы. Часто благие намерения оставались неосуществленными. Только начаты переводы «Федры» Расина, «Заиры» Вольтера, «Мизантропа» Мольера и многих других произведений» [15, с. 17]. Во многом исследовательница была права, однако в то же время из ее слов напрашивается вывод, что юношеские тексты Муравьева глубоко второстепенны и вроде бы случайны; нам же представляется, что без них реконструкция литературной позиции поэта невозможна, а представление о литературном процессе 1760–1770 гг. будет неполным. Но сначала их надо ввести в научный оборот; мы уже подготовили к печати одно из первых законченных произведений Муравьева — перевод «Жизни Эрнеста, по прозванию Благочестивого, герцога саксонского» (о нем см.: [10]) — и надеемся, что в ближайшее время он выйдет; ранее в 2018 г. мы напечатали статью о драматургии Муравьева, основанную на неопубликованных материалах из «Записной книги» писателя, которая хранится в ОР РГБ [9]. Этот рукописный конволют — один из важнейших источников для изучения драматургии Муравьева¹: в нем находим более десяти неопубликованных драматургических текстов поэта. Они очень неравноценны, всегда не закончены: иногда перед нами несколько явлений, иногда — только названия. Большая их часть — переводы, меньшая — самостоятельное творчество. Эти тексты

¹ *Муравьев М.Н.* Записная книга — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771–1803 // ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1.

погружают нас в круг чтения и интересов Муравьева, а также приближают к пониманию его творческих планов [9].

Особое место в драматургическом наследии Муравьева занимает творчество Ж. Расина. Это тем более интересно, что в России XVIII в., как показал Г.А. Гуковский, вопреки сложившему заблуждению, слабо интересовались творчеством французского классика и обращались к его трагедиям крайне редко [3, с. 440–446]². И действительно, в XVIII в., насколько нам известно, «Федра», одна из самых известных трагедий Расина, полностью не переводилась (ср.: [4, с. 241]). Муравьев же, во многом вопреки данной тенденции, на протяжении всей своей жизни работал над созданием «настоящей» трагедии³. Таким образом, его переводы («Федра») и оригинальное творчество («Дидона» или «Болеслав») должны рассматриваться в едином контексте.

Муравьев несколько раз начинал переводить произведения Расина. Так, в «Записной книге» находим отрывки из «Федры»⁴ и «Фиваиды, или Братьев-врагов»⁵; кроме того, сохранился заголовок, свидетельствующий о том, что Муравьев планировал переводить «Ифигению»⁶ (эти тексты мы опубликовали в [9]).

Находим в «Записной книге» несколько стихотворений, в которых упоминается «бесподобный» Расин и в которых выражено почти восторженное отношение Муравьева к французскому трагику. Так, например, в одном из предположительно ранних текстов он писал:

<...> Небедной разум мой! Ты льстился почерпать
В Виргилии, в Шолью, в Расине неподобном,

² Значимое исключение — опыты А.П. Сумарокова [22; 23; 24]. Отметим относительно недавнюю оценку: «Русский театр того времени не проявлял интереса к трагическому репертуару западно-европейского классицизма. Напротив, несомненное внимание привлекала формировавшаяся на Западе так называемая мещанская трагедия, обратившаяся к изображению третьего сословия, буржуазно-мещанских кругов с присущими им драматическими конфликтами морального и социально-бытового характера <...>» [11, с. 50]. Ср. замечания А.О. Демина к переведенной им статье Гуковского: [3, с. 434–439].

³ См., напр., в письме Муравьева к отцу и сестре от 24 июля 1778 г.: «Правда, что я было нынешнюю неделю обратился к своей Трагедии («Болеславу». — *А.И.*), для того, что я был у <И.А.> Дмитревскаго, которой у меня ее спрашивает» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Ч. 74г. Л. 44 об.); см. подробнее: [25, кн. 1, с. 27–380].

⁴ *Муравьев М.Н.* Записная книга — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771–1803 // ОР РГБ. Ф. 178. Н. 11161.1. Л. 32. Здесь Муравьев перевел монолог Терамена из шестого явления пятого действия трагедии.

⁵ ОР РГБ. Ф. 178. Н. 11161.1. Л. 31 об.

⁶ ОР РГБ. Ф. 178. Н. 11161.1. Л. 59.

Зачем не пребывать в обмане сем беззлобном,
В надежде сладостной зачем не утопать <...>⁷.

Еще один пример — «Для стихотворства не надобен ум», набросок, сохранившийся на полях одного из листов «Записной книги». Обычно факт записи какого-то текста на полях — свидетельство его позднего происхождения: Муравьев через несколько лет или даже десятилетий, просматривая свои сочинения, дополнял «Записную книгу» новыми текстами. Перед нами своеобразная литературная декларация поэта, который, с одной стороны, сознает ограниченность своих талантов (очевидно, это общее место подобного рода произведений), а с другой — заявляет о том, что не бросит литературу и будет ориентироваться на образцовых авторов, в т. ч. и на Расина:

Я знаю, признаю сие чистосердечно
Что по Виргильеву не писывать мне вечно,
Что от Расина я, как от Олимпа ад,
Что мне не попадать на Лафонтеньев лад.
Однако вот мое намеренье какое:
Без честолюбия, со всех сторон в покое,
Безсилie ума — и сердца призная
Стихи, иль рифмы тож, писати стану я⁸.

Наконец, еще один рукописный набросок Муравьева на эту тему — «Пииту ль мало упражненья», он датирован автором 27 февраля 1781 г.:

Пииту ль мало упражненья,
Пусть он свой праздной взор лениво возведет
На существующи, в сем роде, сочиненья:
Какую б тех предметов тьму найдет!
Пути представлены и средства и препятства,
Степени всех достоинств сочтены,
И страсти в глубине сердечной зажжены.
Ты видишь разума разсыпаны богатства,
Когда не жаждешь их, не для тебя они,
И провождай в другом искусстве дни.

⁷ ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. Л. 31 об.

⁸ ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. Л. 19.

Не будь Дорат, не чувствуя Дората,
 Херасковым не будь,
 Коль зависти твоя не ощущает грудь
 При взоре скрытаго во <<Россиаде >> злата.
 Но ты желаешь быть, конечно, стихотворцом,
 Се путь ристалища открыт,
 И ждут тебя своим единотворцом
 Гомер и Лафонтен, Расин и Феокрит⁹.

Расин, как видим, снова в ряду эталонных авторов: Гомера, Феокрита, Лафонтена. Этот контекст был необходим для того, чтобы продемонстрировать неслучайность обращения Муравьева к Расину, напротив, он глубоко интересовался творчеством французского классика, ориентировался на него как на своеобразный образец в литературе.

Муравьев перевел три первых явления первого действия «Федры», эта рукопись сохранилась в ОР РНБ¹⁰. Для поэта, который часто начинал и бросал свои замыслы и который редко шел дальше заголовков, это очень много, и говорит о том, что к данному проекту он отнесся серьезно. Датировать текст сложно: пока мы не можем установить, когда Муравьев начал работу, однако неопубликованные материалы позволяют нам ответить, по крайней мере, на вопрос, когда он ее закончил. Так, Муравьев писал, что 1 января 1773 г. читал свой перевод М.М. Хераскову: «1773 янв. 1 <...> один вечер был я с батюшкой у М.<ихаила> Матв.<еевича Хераскова>, коему читал перев.<од> <<Федры>> <...>»¹¹. Мы не знаем, о каком именно фрагменте идет речь в этой записи, возможно, это уже весь известный нам текст, а может быть, только какая-то его часть. Еще одно важное свидетельство — неопубликованные письма писателя к отцу Н.А. Муравьеву и сестре Ф.Н. Муравьевой: так, 5 мая 1776 г. он обратился к сестре: «А чтоб вас поцыганить: вы ко мне из <<Федры>>. Я к вам из ней же:

Увидела его, уже стыдилась зря
 И ах! бледнела вдруг, стыдом еще горя.
 Возстал мятеж в моей душе оторопленной,

⁹ ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. Л. 18.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 53. Л. 1–11. Каким изданием пользовался Муравьев, мы не знаем: в семейной библиотеке сохранился только один из томов, изданных в 1808 г. (благодарим за консультацию М.В. Ленчиненко).

¹¹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 30. Л. [1].

Не стали очи зреть, язык в устах был пленной
Почувствовала жар и вкупе трепет я,
Познала мать любви, познала зной ея.
Не избежимый ков семье котору гонит и пр.¹².

Процитированный фрагмент взят из третьего явления первого действия «Федры», и он дословно совпадает с рукописью, которую мы публикуем ниже. Таким образом, текст был готов не позднее мая 1776 г., а скорее всего, и раньше, ведь, обращаясь к сестре, Муравьев явно рассчитывал на узнавание цитаты. Следовательно, он показывал свой перевод семье, однако в сохранившихся письмах его нет, значит, он был готов до отъезда в Санкт-Петербург, т. е. до начала 1776 г. Отметим также, что «Федра» оказывается «домашним», «семейным» текстом Муравьевых, что очередной раз свидетельствует об особом отношении поэта к Расину.

В том же 1776 г. Муравьев написал «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, громкого, надутого», которое было напечатано только в 1783 г. [18, с. 344]. Здесь, как и в других текстах 1770-х гг. (например, «Похвальном слове Михаиле Васильевичу Ломоносову», 1774; «Стихах на смерть Александра Петровича Сумарокова», 1777; «Дщицах для записывания», 1778), Муравьев, по сути, отвергал претензии Сумарокова на звание главного русского трагика, выдвигая на первый план творчество М.В. Ломоносова (об этом см. подробнее: [12, с. 110–112]).

Находим в «Рассуждении» и следы прямой полемики с Сумароковым. Во «Мнении во сновидении о французских трагедиях» Сумароков «разбирал» трагедии Расина, оценивал как отдельные строки и строфы, так и произведения в целом. Не мог он пройти и мимо «Федры»: так, он отметил, что «рассказ Фераменов достоин Расина: жаль только, что не перехвачен так, как у Еврипида; а здесь того больше требовалось» [24, с. 344]. Сумароков имел в виду монолог Терамена из шестого явления пятого действия «Федры»¹³. Муравьев в «Рассуждении» обратился к этому же самому фрагменту, «рассказу Терамена», однако выбрал другой монолог персонажа и оценил его прямо противоположным образом: «Нет ничего прекраснее сих стихов повествования Тераменова; но все соглашаются, что они не име-

¹² Письма М.Н. Муравьева к отцу М.А. Муравьеву 1776 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 61. Эти письма подготовлены нами к печати и увидят свет в ближайшее время.

¹³ Еще Гуковский, разбирая в том числе и этот пассаж, убедительно показал, что Сумароков не только хвалил Расина, но и критиковал классика [3, с. 442].

ют вероятности, приличной изъявлению страсти» [17, с. 8]. Далее он привел четыре особенно впечатлявших его строки и приложил свой перевод:

Чело его рога прегрозные имело,
Блестящей чешуей покрыто всюду тело.
Свирепого вола, змия лютейша смесь,
Извился хвост его в слоисты сгибы весь [17, с. 8].

Таким образом, Муравьев восхищался тем, что критиковал Сумароков¹⁴. В «Записной книге» поэта сохранился перевод монолога Терамена «Из Федры Расиновой» из того же шестого явления пятого действия трагедии. Так как мы уже напечатали этот текст ранее [9, с. 66], здесь воспроизведем только те же четыре строки, потому что в них есть существенные отличия от предыдущего варианта:

Чело его рога, прегрозныя имело,
Блестящей чешуей, его покрыто тело,
Неукротимой вол, неистовейший змей,
Извился в сгибы хвост, согбен влачась землей.

Мы не знаем, какой вариант был написан раньше; напрашивается, тем не менее, предположение, что Муравьев специально выбрал тот самый «рассказ Ферамена», который не полностью «устроил» Сумарокова, чтобы подчеркнуть достоинства оригинала. Против этой гипотезы можно высказать соображение, что неизвестно, когда был написан текст Сумарокова: при жизни «северного Расина», насколько нам известно, он опубликован не был, даже название, скорее всего, принадлежит Н.И. Новикову, который готовил его собрание сочинений. Новиков же высказал предположение, что «сие мнение, кажется, писано покойным Сочинителем к г. Волтеру» [24, с. 327]. В недавней статье А. Эвингтон указала на то, что Сумароков во многом основывался на «*Commentaires sur Corneille*» («Комментариях к Корнелью») Вольтера. Она же предположила, что «“Мнение...”», вероятно, написано <...> в середине 1770-х гг. Датировка основывается на ощутимом влиянии вольтеровских «Комментариев к Корнелью» (*Commentaries sur Corneille*) редакции 1774 г., предполагаемому времени написания соответствует элегическое настроение произведения, характерное для позднего Сумарокова»

¹⁴ См. другую точку зрения: [3, с. 442].

[29, с. 165]. Не решаясь судить об «элегическом настроении <...> позднего Сумарокова», отметим, что в 1774 г. Муравьев еще мог работать над своей «Федрой», а к 1775–1776 гг., времени написания «Рассуждения», он точно перевел вышеуказанный монолог Терамена. Кроме того, можно высказать предположение, что Муравьев имел все шансы ознакомиться с «Мнением» Сумарокова именно в 1776 г., когда он писал свой «трактат»: дело в том, что Муравьев в 1776 г. близко общался с ключевыми авторами эпохи: Новиковым (об этом см. подробнее: [13]), М.М. Херасковым, В.И. Майковым, И.А. Дмитриевским, С.Г. Домашневым, В.П. Петровым и мн. др. В письмах Муравьева к отцу и сестре находим указания на обсуждения Сумарокова и Вольтера в доме Хераскова. Так, 28 ноября 1776 г. он рассказывал Ф.Н. Муравьевой об общении с Херасковым и о его критике трагедии Сумарокова «Семира». К сожалению, лист сильно поврежден, что тем не менее не мешает восстановить общее содержание:

Что ж я тебя новенькое напишу? Что я завтра буду читать «Руссиаду» (так! — *А.И.*); это я писал. Мих:<аил> Матвеевич (Херасков. — *А.И.*) требует, чтобы я сказал свое мнение, как он мне свое <...>. A propos (так! — *А.И.*) Voltaire a donné des remarques critiques sur <<Semire>>, il l'analyse, il fa<ut?> voir les beautés de la Tragédie et quelques défauts. <нрзб>. <...> Характер Оскольдов, по Волтерову (так! — *А.И.*), не выдержан. И так зделан с начала гордым и великодушным что могли спастъ жизнь свою унижением перед <нрзб>, лучше хочет умереть нежели пасть перед <...> а после, хочет избавление свое из темницы <...> подлости, обману и любви сестриной. Я <...> купил последнюю Волтерову Трагедию «Les Loix (так! — *А.И.*) de Minos ou Astérie». Слабехонька! Она делана в 1773¹⁵.

Таким образом, отрицательный отзыв Вольтера о сумароковском переводе здесь — это и вызов определенной эстетической программе, и завуалированный выпад против «вольтеровской копии» — Сумарокова. При этом отметим, что критике подвергся и сам Вольтер, последняя пьеса которого заслужила нелестный отзыв Муравьева. Таким образом, данный эпизод не может быть назван случайностью, а напротив, должен рассматриваться как проявление общей тенденции: Муравьев, как, видимо, и Херасков, вопреки распространенному мнению, не считали себя учениками

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 6.

Сумарокова и относились к нему хоть и с почтением, но без священного трепета¹⁶. При этом Муравьев, знаток и ценитель классического искусства, Вольтеру и Сумарокову, которые оказались причудливо связаны в русском историко-литературном контексте, противопоставил Расина и Ломоносова, наследником которых он себя и мыслил (о сложном отношении Муравьева к Сумарокову см. подробнее: [8]).

В середине 1770-х гг. Муравьев не бросил работу над «Федрой». В рукописи находим следы правки и редактуры, которые воспроизводим при публикации. Мы не знаем точно, когда он это делал и планировал ли публикацию произведения. Находим, однако, косвенные указания на возможное время такой работы. Так, на полях последнего листа рукописи «Федры» Муравьев оставил такие пометки: «1774 — 1.17 / 1775 — 2.18 / 1776 — 3.19 / 1777 — 4.20 / 1778 — 5.21 / 1779 — 6.22 / 7.23» (Л. 11). Смысл их до конца не ясен, бросается в глаза некоторая системность в этих числах: если перед нами даты, то очень странные: сначала указан год, потом месяц и день, и каждый год прибавляется по одному числу — от 17 января 1774 г. до 23 июля 1779 г. Возможно, эта запись не имеет прямого отношения к «Федре», однако, очевидно, что в 1770-е гг. он, по крайней мере, держал в руках рукопись, может быть, пересматривал свой текст. Еще один аргумент в пользу предположения о том, что поэт обращался к своей «Федре» позднее, — небольшой список стихотворений, который он оставил на полях того же последнего листа рукописи (Л. 11), среди них оказались как известные тексты, так и те, которые остались в «Записной книге», в том числе «Алина» (скорее всего, речь идет о стихотворении «Надпись к изображению

¹⁶ Г.А. Гуковский строил свою историко-литературную концепцию, которая во многом до сих пор остается востребованной, на антитезе «школы Сумарокова» (М.М. Херасков и его «ученики») и последователей Ломоносова (В.П. Петров), связывая литературные баталии с якобы существовавшим конфликтом «панинской группы» и Екатерины II. При этом Гуковский называл Муравьева одним из «создателей» сентиментализма в России, учеником Хераскова, а следовательно, и Сумарокова [2, с. 4, 253–268, 276–277]. Таким образом, эволюция русской литературы второй половины XVIII в. выглядела прямолинейно: первое поколение — Сумароков, второе — Херасков и его сподвижники третье — «ученики» Хераскова, одним из которых и был Муравьев, при этом «внуки» в той или иной степени верны принципам «отцов» и «дедов». Показательна более поздняя реплика А.Н. Бруханского о том, что «он (Муравьев. — А.И.) остается во многом учеником именно Хераскова (кого бы он сам ни выдвигал себе в учителя)» [1, с. 160]: следуя идеям Гуковского, исследователь отводил муравьевскую самоидентификацию и выдвигал на первый план признаваемую твердо установленной преемственность от Хераскова к Муравьеву, стремясь, по-видимому, в очередной раз подчеркнуть «продуктивность» «сумароковской школы», «дворянской фронды», которая противостояла неэффективной и малочисленной «екатерининской группе».

Алины», написанном в 1784 г. [18, с. 350]); «Сила гения» (сочинена в 1785 г., напечатана в «Аонидах» в 1797 г. [18, с. 351]); «Изгн.<ание> Апол.<лона>», 1786 [18, с. 327]; «Отъезд Нины» (написано предположительно в 1782 г. [18, с. 349]); «<Стихи> На конч.<ину> <Якова Борисовича> Княжнина» (датируются началом 1791 г. [18, с. 352]); стихотворение «Вчера крас.<авица, сегодня Ангел света>» (не опубликовано, см. л. 64 об., авторская датировка — 3 июля 1795 г.). Таким образом, Муравьев снова обратился к своему раннему труду не позднее июля 1795 г., а значит, даже четверть века спустя поэт размышлял о «своей» «Федре» и, возможно, рассчитывал ее закончить.

Приложение

Федра. Трагедия

Действие первое. Явление первое

Ипполит, Терамен

Ипполит

Уж то предпринято¹⁷, любезной Терамен,
Я еду из страны, Трезенских милых стен,
В злой неизвестности, в которой погружаюсь¹⁸
Сам праздности своей, я в тайне устыжаюсь,
Шесть месяцев уж как отшел родитель мой,
Не знаю я судьбы толь жизни мне драгой,
Не знаю мест его, что могут нынь скрыватьи.

Терамен

Но где ж, о Государь, ты стал его б искати?
Для покоенья уж твой справедливой страх
В двух разлученных был Коринфом я морях
Тех жителей берегов я спрашивал Тезея,
Где к мертвым Ахеронт, теряется чернея,
В Елиде был, и там оставивши Тенар,
Прошел я до моря, в которо пал Икар,
Какой надеждой льстясь, в каких странах блаженных
Ты мнишь найти следы его стоп удаленных,
Кто знает, чтоб не царь, кто знает, может быть
Отец твой не хотел свое отсутствие скрыть,

¹⁷ Первоначально: «Намерение взято».

¹⁸ Первоначально: «Колебаюсь».

Чтоб, как о днях его трепещем мы с тобою,
Спокоен и вспален любовью иною,
Не ждал обманутой любовницы Герой.

Иппол.<ит>

Тезея почитай, любезный друг, постой,
От младости его пришел пороков ныне
В толь подлой для него не удержан причине
И устремив свои желания в одно
Уж Федры не страшна совместница давно
Идя его искать, я долг свой исполняю
И убегу тех мест зреть коих не дерзаю.

Терам.<ен>

И с давно ль, Государь! страшисся ты мест сих
Спокойных, твоему младенчеству драгих
И коих зрел тебя чтить боле пребыванье
Как нежели Афин и все двора сиянье?
Опасность гонит тя ль иль твой прискорбен дух?

Иппол.<ит>

Не стало тех уж дней, все пременилось вдруг
С тех пор как на сей брег нам боги гибель роя
Дщерь Пазифаи уж послали и Миноя.

Терам.<ен>

Проник я. Скорби сей вина известна мне,
Наносит скорбь тебе днесь Федра в сей стране
Опасна мачеха, едва тебя узрела,
Как ссылкою твоей ея власть загремела,
Но ненависть ея, что так тебя гнала,
Днесь умягчилась, коль не совсем прошла,
Каки опасности, ты можешь возымети
От умирающей и ищущей умрети?
В болезни Федра, что упрямится сказать
И скучивши собой и уж на свет взирать,
Возможет ли иметь намеренья зловредна?

Иппол.<ит>

Не вражества я опасуюсь тщетна,
Врагини Ипполит бежит теперь другой,
Я, признаюсь, бегу Ариися сей младой,
Сей роду отрасли на нас вооруженна.

Терам.<ен>

Как, государь! она тобой врагом почтенна?
Любезная сестра жестоких Паллантид,

Вступала ль в братний ков вам сделанных обид?
Что ненавидишь ты, ея красы безвинны!

Иппол.<ит>

Коль ненавидел бы, в страны б бежал ли инны?

Терам.<ен>

Вольно ль мне, мог язык побег твой изъяснить

Иль ты не боле Князь сей гордой Ипполит

Законов твердой сей любовных неприятель,

И ига ношенна Тезеем презиратель?

Твоею гордостью любви презренна мать,

Иль хочет наконец Тезея оправдать?

И принудив тебя, в чреды всех смертных быти,

Заставила ль тебя ей жертву приносить?

Не любишь ли, мой Князь?

Иппол.<ит>

Мой друг, что ты сказал?

Ты сердце что мое с младенских дней познал,

Та гордость, коей я доселя величался,

Иль хочешь, чтоб я ей постыдно отричался?

То мало что с млекою уж Амазонка мать

Ту гордость дивную тебе могла влиять,

Я сам, когда уж в зрелейших летах был,

Познавши сам себя¹⁹, собою похвалялся,

Ко мне быв прилеплен чистосердечием,

Мне повесть сказывал ты об отце моем²⁰.

Ты знаешь, с каковым душа моя вниманьем

Воспламенялась, дел его повествованьем.

Когда ты мне сего Героя вображал,

Что об отсутствии мир Алкида утешал,

Избиты чудищи, злодеи низложенны,

Прокруст, Церцвон, Синнис и Скиррон умерщвленны,

И Епидаврской там им исполин убит,

И Минотавровой дымящей кровью Крит,

Но как мне сказывал дела ты меньше славны,

Всем клятвы данны, приемлемы и нравны,

Как от родителей Елену он увез

Свидетель Саламин, там Перибей слез,

И инны, чьи самим им имена забвенны,

¹⁹ Первоначально: «О себе».

²⁰ Другой вариант: «С усердием любя младенчество мое / Ты мне повествовал дел отчих бытие».

Толь слабые умы, огнем его прельщены,
Там Ариадну злость, гласящую его,
И Федрой в лучшей час пленясь в конец всего,
Ты знаешь то, как я, то слушал похождение,
Коль часто сократить просил я продолжение.
Блажен когда бы я от памяти мог скрасть
Прекрасной повести толь недостойну часть.
И сам я в очередь уж стану воспаляться,
И боги до того возмогут мной ругаться,
Тем более в любви презрителен своей,
Чем долгой извинит Тезей сонм вестей <?>
Как никакое мной чудище не сраженно,
И право согрешать, как им, не полученно.
И если б гордость та унизиться могла,
Арисью ли душа моя бы избрала,
И не припомнили ль бы чувства заблужденны
Препятство, коим мы на век с ней разлученны.
Тезей ея отторг и строго приказал,
Чтоб братьям кто ея племянников не знал
Страшится отрасли виновного он роду
И хошет погрести сестрою их породу,
И чтоб подвержена его опеке в век,
Никто Имена огонь для ней бы не зажег.
Пойду ль против отца для ней я раздраженна?
Поступка ль дам пример толь дерзка и отменна?
И в глупую любовь вверх юный возраст мой...

Терам.<ен>

Ах, Князь! как естли час, когда назначен твой,
То небо уж об нас быть сведомо не знает;
Тезей, закрыв глаза, тебе их разверзает
И ненависть его мятежну вздвигнув страсть
Врагини над тобой своей дает большу власть
И целомудренной любви почто страшиться?
Коль сладость есть, почто не сметь в ней искуситься?
Иль будешь гордому сомнению верить ты?
Страшится ль заблуждать в Алкидовы следы,
Каких Героев мать любви не укротила,
Ты сам, где был бы ты, с кем стерта сила,
Коль Антиопа бы противна правам тем,
Любовью скромною не жглась твоим отцем?
Но что надменну речь напрасно лишь сплетать?

Все прменяется, признайся. Не видати
Так часто уж тебя кичлива дика днесь,
То мчится берегом на колеснице здесь,
То смышлен знания, Нептуном обретенна,
К ярму приобучать коня не укрощенна,
Уж меньше наши лес²¹ разносит голоса,
И бдений тайный огонь тягчит твои глаза,
Нельзя сомниться в том, ты любишь, ты сгораешь,
Ты гиблешь скорбию, которую скрываешь²².
Прекрасна ль знала ты Ариस्या оковать?

Иппол.<ит>

Я еду, Терамен, родителя искать.

Терам.<ен>

Но к Федре пойдешь ли в последнее проститься,
Мой Князь?

Иппол.<ит>

Пойду, тобой в том может известиться,
Узрим ее, когда мне долг мой повелит,
Но что еще ее Енону днесь крушит?

Явление второе.

Ипполит, Енона, Терамен.

Енон:<а>

Ах Князь! с смущеньем, что моим сравнится ныне?²³
Приблизилась к своей Царица днесь кончине,
Напрасно день и ночь я тщусь ее стеречи,
Стлевает злом, что ах! не хочет изречи,
И ум жилищем стал смешения нестройна,
Срывает с ложа днесь ее скорбь беспокойна,
Зреть хочет дневный свет, жестокая печаль
Велит ей всех, кто есть, отсель отгнати вдаль,
И се идет.

Иппол.<ит>

Пойду и здесь одну оставлю,
И ненавистного лица ей не представлю.

²¹ Первоначально: «Глас».

²² Первоначально: «Ты гиблешь скорбию, которую скрываешь / Нельзя сомниться в том, ты любишь, ты сгораешь».

²³ Первоначально: «с смущеньем, что сравнится моим ныне».

Явление третье.

Федра и Енона.

Фед:<ра>

Не пойдем далее. Постой, Енона, здесь²⁴,
Я не могу стоять, нет боле силы днесь.
И очи светом, вновь узретом, помрачены,
Вспять падают под мя дрожащие колены.

Енона.

Всемощный бог! зри, плачь и укратись!

Фед:<ра>

Что тщетные сии прикрасы налеглись?
Докучной кто рукой узлы сии слагая,
Собрал их на челе, власы мои свивая?
Все оскорбляет мя, вредит и мнит вредить.

Енона.

О как ты хочешь мысль другою раззорить?
Сама жестокость днесь свою ты обвиняла,
И наши убирать тя руки побуждала,
Сама взводя на ум ты силу прежних лет
Хотела выйти вон и вновь узрети свет.
Ты зрела днесь его и скрыться предприяла,
Возненавидев свет, что прежде ты искала.

Фед:<ра>

Сияющий творец, отколь наш род стал быть,
Чьей смела мать моя хвалиться дщерью слыть!
Что может быть меня стыдишься зря смущенну,
О солнце, я тя зрю в последни и вселенну!

Енон:<а>

Еще ль жестокая мечта в уме живет!
Всегда ль ты буду зреть кидающу сей свет,
Кончины исчитать, приготовленья слезны?

Фед:<ра>

Что боги! тени мя не кроют днесь древесны!
Когда я возмогу последовать сквозь прах,
За колесницею, бегущей на полях?

Енон:<а>

Ах! что...

Фед:<ра>

Бессмысленна! где я и что сказала!

²⁴ Первоначально: «Енона здесь постой».

Куды обетам я днесь заблудить давала?
 Погиб он. Боги, Ches<т>ь отъяли у меня,
 Енона, стыд покрыл лице, не зрю я дня.
 Я много знать даю постыдну скорбь словами,
 И очи сами днесь наполнились слезами.

Енон:<a>

Коль есть, об чем краснеть, об тайне ты красней,
 Усугубляющей злу скорбь души твоей,
 Упорна к тцаниям, упорна нас внимати,
 Иль хочешь дни свои без жалости скончати?
 Какое бешенство твой сокращает век,
 Кой чародейный яд, источник сей пресек?
 Трикраты небеса уж тени помрачали
 С времен тех, как твои сна очи не вкушали,
 И три раза уж день ночь мрачную прогнав,
 Как <?>без пищи слабой томится твой состав.
 Каким намереньем²⁵ ты хочешь покуситься
 Кто право на себя тебе дал ополчиться,
 Ты тем богов гневишь, родителей своих,
 Супругу изменишь, с кем ты сопложена
 И чадам наконец своим ты изменяешь,
 Которых под ярем жестокий повергаешь,
 Помысль, что день един, что их отымет мать,
 Дает рабыни сыну надежду обладать,
 Кичливу твоему врагу, твоей всей крови,
 От Амазонкиной родившейся любви,
 Сей Ипполит...

Фед:<ра>

Увы!

Енон:<a>

От слов подвиглась сих?

Фед:<ра>

Чье имя изо уст извергнулось твоих?

Енон:<a>

По праву ты свой гнев, по праву простираешь,
 Мне мило, что при сем ты имени стонаешь,
 Живи. Пусть долг, любовь послужат для причин,
 Живи, не попусти, чтобы Скифянкин сын,
 Твоих обременив, несносных чад вельнем,

²⁵ Муравьев начал, но не закончил правку этих двух слов.

Прекраснейшим богов ругался поколеньем,
Но ты не отлагай, всяк час тебе вредит,
Потщись свою скорей ты силу возвратить,
Поколе дней твоих, готовых пресечися,
Свеща днесь тлит еще и может возжещися.

Фед:<ра>

Я много медленность виновну дмила их.

Енон:<а>

Что? иль ты от угрыз подвигнута каких?
Каким злодействием толико ты смутилась?
Рука твоя в крови еще не обагрилась.

Федра

Благодарю судьбу, чиста рука²⁶ моя,
Коль сердце было б так безвинно у меня²⁷!

Енон:<а>

И кое страшное ты дело предприяла,
От коего душа твоя вострепетала?

Федра

Довольно знаешь ты, не спрашивай меня,
Умру, чтоб не открыть злой скорби моея.

Енона

Умри ж, жестокое молчанье собрегая²⁸,
Но очи пусть не я, сомкнет тебе другая.
Хоть слабой луч едва, они уже хранят,
Но снидет пред тобой душа моя во ад.
Там тысячи путей всегда нам откровены,
И права скорбь возьмет кратчайшие премены.
Жестокая, когда была неверна я?
С рожденья приняла тебя рука моя.

Чад, отчество, все то я для тебя презрела,
Того ль мне уповать в награду повелела?

Федра

Какой быть чаешь, плод усилья такова,
Застонешь с ужасу, услышав те слова.

Енона

И что ужаснее возможешь мне сказати,
Как то, чтоб на тебя кончающуюсь взирати?

²⁶ Первоначально: «Рука чиста моя».

²⁷ Первоначально: «Коль сердце было бы безвинно, как она!».

²⁸ Первоначально: «Сохраняя».

Федра

Как будешь знать мою вину и злобный рок,
Умру ж, но повлеку во гроб с собой порок.

Енона

Царица, хоть для слез, которы проливаю,
Для слабых тех колен, которы объимаю,
Избавь плачевного сомнения меня.

Федра

Ты хочешь. Встань.

Енона

Скажи, я слушаю тебя.

Федра

О небо! Что скажу? И чем мне то начати?

Енона

Напрасным ужасом престань меня смущати.

Федра

Венерин гнев! о гнев плачевен вспоминать!
Во что любовь мою, во что повергла мать?

Енона

Забудем все сие. Пусть вечное молчанье
То скроет от времен грядущих вспоминанье.

Федра

Сестра моя! к кому любовь тебя зажгла,
Скончалась на брегах, где кинута была.

Енона

Какая днесь тебя досада заражает²⁹,
И так на все твой род тебя вооружает?

Федра

Когда венерин гнев имеет свой успех,
Той крови, гибну я по всех и горше всех.

Енона

Ты любишь?

Федра

Я любви всю ярость ощущаю.

Енона

К кому?

Федра

Ты вскоре всех коснешься бедствий края
Люблю... я трепещу сим именем смутясь,

²⁹ Первоначально: «Какая днесь тобой досада обладает».

Люблю...

Енона

Кого?

Федра

Тебе знаком сей юный Князь,
Сей Амазонкин сын, мной долго удрученный.

Енона

О небо! Ипполит?

Федра

Тобою нареченный.

Енона

О боги! в жилах кровь замерзла у меня!
О срам! О люта скорбь! О бедственна семья!
О бедоносный путь! О берег пренесчастный!
Почто бы приставать в страны твои опасны?

Федра

Не здесь, но далее моя родилась страсть,
Едва лишь брак меня Тезею дал во власть,
Покой мой с счастьем, казалось, процветали
Афины с гордым мне врагом моим предстали³⁰.
Увидела его, уже стыдилась зря
И ах! бледнела вдруг, стыдом его горя.
Восстал мятеж в моей душе оторопленной,
Не стали очи зреть, язык в устах был пленной.
Почувствовала жар и вкупе трепет я,
Познала мать любви, познала зной ея.
Неизбежимый ков, семье, котору гонит.
Я мнила, что мольба ее ко мне преклонит.
Поставила ей храм и тщилась украшать.
Сама его всяк час зря кровью орошать,
В утробах жертв свой ум искала отчужденной,
Бессильно врачество любви неисцельной!
Вотще я фимиам на жертвеннике жгла,
Язык богиню звал, душа — лишь князя зла.
И зря его всяк час, у жертвенников млела,
Полна лишь богом тем, кого назвать не смела.
Я стала убежать: ах³¹! что есть зляй сего?
Мой взор его нашел в чертах отца его,

³⁰ Первоначально: «Афины гордого врага мне показали».

³¹ Первоначальный вариант: «Скрывалась от».

Бессильна наконец против себя восстала³²
И душу гнать его неволей возбуждала.

Литература

1. *Бруханский А.Н.* М.Н. Муравьев и «легкое стихотворство» // XVIII век. М.; Л.: АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 157–171.
2. *Гуковский Г.А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л.: ГИХЛ, 1938. 315 с.
3. *Гуковский Г.А.* Расин в России в XVIII веке // XVIII век. СПб.: Наука, 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 434–480.
4. *Демин А.О.* Державин — переводчик «Федры» Расина // XVIII век. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26. С. 238–253.
5. *Жинкин Н.П.* М.Н. Муравьев: По поводу истекшего столетия со времени его смерти // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.: ИОРЯС АН, 1913. Т. 18. Кн. 1. С. 1–80.
6. *Западов В.А.* Муравьев М.Н. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 305–313.
7. *Зорин А.Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: НЛЮ, 2016. 568 с.
8. *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев и А.П. Сумароков (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 198–210.
9. *Ивинский А.Д.* О драматургии М.Н. Муравьева (по материалам ОР РГБ и ОПИ ГИМ) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77, № 3. С. 62–71.
10. *Ивинский А.Д.* О первом переводе М.Н. Муравьева «Жизнь Эрнеста, по прозванию благочестиваго, герцога Саксонского» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 1. С. 122–134.
11. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 2. 269 с.
12. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994. 282 с.
13. *Кулакова Л.И.* М.Н. Муравьев // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1939. Вып. 4. С. 4–42.
14. *Кулакова Л.И.* Н.И. Новиков в письмах М.Н. Муравьева // XVIII век. Л.: Наука, 1976. Сб. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 16–23.
15. *Кулакова Л.И.* Поэзия М.Н. Муравьева // *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 5–52.
16. *Лазарчук Р.М.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 19 с.
17. *Муравьев М.Н.* Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого // Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. М.: В Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. С. 1–24.

³² Вариант на полях: «Себя я побеждала».

18. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л.: Сов. издатель, 1967. 396 с.
19. *Паикуров А.Н., Мясников О.В.* М.Н. Муравьев: Вопросы поэтики, мировоззрения и творчества. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2003. 128 с.
20. *Росси Л.* К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // *Slavica Tergestina*. 1994. Вып. 2. С. 91–115.
21. *Росси Л.* Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век: сб. ст. и материалов. СПб.: Наука, 1995. Сб. 19. С. 114–146.
22. *Сумароков А.П.* Перевод повествования Терамена Тезею о смерти Ипполита, из Федры Расиновой и Стансы // Ежемесячные сочинения. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1756. Май. С. 422–425.
23. *Сумароков А.П.* Из Федры, Расиновой Трагедии Действия IV. Явление VI // Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. СПб.: Печ. в вольной Тип. Вейтбрехта и Шнора, 1779. Ч. 1. Февраль. С. 103–106.
24. *Сумароков А.П.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. М.: В Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Ч. 4. 359 с.
25. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2001–2007. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века. М.Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. 1–3.
26. *Фоменко И.Ю.* Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // *Русская литература*. 1980. № 3. С. 119–126.
27. *Фоменко И.Ю.* Проза М.Н. Муравьева. Из истории русской прозы последней трети XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 180 с.
28. *Фоменко И.Ю.* М.Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 52–70.
29. *Эвингтон А.* «Мнение во сновидении о французских трагедиях» Сумарокова: размышления о вкусе // XVIII век. СПб.: Наука, 2020. Сб. 30: А.П. Сумароков и русская литература его времени. С. 161–169.

Research article and Publication of Archival Documents

Racine's *Phèdre* Translated by Mikhail Muravyev (On the Materials from the Manuscripts Department of the Russian National Library)

© 2024. Alexander D. Ivinskiy

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. №23-18-00375 “Russian Literature: The Problem of Multilingualism and Reverse Translation” (<https://rscf.ru/project/23-18-00375/>).

Abstract: The article is devoted to M.N. Muravyov's translation of the tragedy of Jean Racine's *Phèdre*. In the 18th century, *Phèdre* had not been translated into

Russian, so this attempt, although incomplete, is of interest to the history of Russian drama. The article introduces the first three scenes of the first action of the tragedy (the Department of Manuscripts of the Russian National Library, St. Petersburg) into scientific circulation. We linked this text with excerpts from” and *Thebaide, or The Enemy Brothers*, found in the poet’s handwritten *Notebook* (the Manuscript Department of the Russian State Library, Moscow). In addition, we found a text that indicates Muravyov’s plans for the translation of Racine’s *Iphigénie*. Also, in the *Notebook*, several of Muravyov’s poems were found (“No mind is needed for poetry,” “A poet needs to exercise,” etc.), in which he expresses an almost enthusiastic attitude towards Racine. Another source that we used is Muravyov’s letters to his father, N.A. Muravyov, and sister, F.N. Muravyova, from the Department of Written Sources of the State Historical Museum (Moscow); based on them, we hypothesize that the translation of *Phèdre* was completed by the beginning of 1776. At the same time, we reconstruct the historical and literary context of Muravyov’s hidden polemic with A.P. Sumarokov, in particular, with his “Opinion in a Dream about French Tragedies.” Rejecting the claims of the “northern Racine” to hegemony in Russian drama, Muravyov highlighted “the real” Racine and M.V. Lomonosov, whose heir he thought of himself.

Keywords: Mikhail Muravyev, history of Russian Literature of 18th century, Jean Racine, *Phèdre*, A.P. Sumarokov.

Information about the author: Alexander D. Ivinskiy, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9007-3996>

E-mail: ivinskiy@gmail.com

For citation: Ivinskiy, A.D. “Racine’s *Phèdre* Translated by Mikhail Muravyev (On the Materials from the Manuscripts Department of the Russian National Library).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (34), 2024, pp. 8–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-08-31>

References

1. Brukhanskii, A.N. “M.N. Murav’ev i ‘legkoe stikhotvorstvo’.” [“Mikhail Muravyev and ‘Light Poetry’.”] *XVIII vek [18th Century]*, vol. 4. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959, pp. 157–171. (In Russ.)
2. Gukovskii, G.A. *Ocherki po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli XVIII veka [Essays on the History of Russian Literature and Social Thought of the 18th Century]*. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1938. 315 p. (In Russ.)
3. Gukovskii, G.A. “Rasin v Rossii v XVIII veke” [“Racine in 18th Century Russia”]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 27: Puti razvitiia russkoi literatury XVIII veka [Development Paths of Russian Literature of the 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, pp. 434–480. (In Russ.)
4. Demin, A.O. “Derzhavin — perevodchik ‘Fedry’ Rasina” [“Derzhavin as the Translator of Racine’s ‘Phèdre’.”] *XVIII vek [18th Century]*, vol. 26. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 238–253. (In Russ.)
5. Zhinkin, N.P. “M.N. Murav’ev: Po povodu istekshego stoletiiia so vremeni ego smerti” [“M.N. Muravyev: On the 100th Anniversary of His Death”]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo*

izyaka i slovesnosti Akademii nauk [The News of the Department of the Russian Language and Literature of the Academy of Sciences], vol. 18, book 1. St. Petersburg, Izvestiia Otdeleniia russkogo izyaka i slovesnosti Akademii nauk Publ., 1913, pp. 1–80. (In Russ.)

6. Zapadov, V.A. “Murav’ev M.N.” [“Muravyev M.N.”]. *Slovar’ russkikh pisatelei XVIII v.* [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century], issue 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 305–313. (In Russ.)

7. Zorin, A.L. *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional’noi kul’tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The Appearance of a Hero: From the History of Russian Emotional Culture in the Late 18th and Early 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 568 p. (In Russ.)

8. Ivinskii, A.D. “M.N. Murav’ev i A.P. Sumarokov (po materialam OPI GIM i OR RGB)” [“Muravyov and A.P. Sumarokov (On the Materials from the Department of Manuscript Sources of the State Museum of History and of the Manuscript Department of the Russian State Library)”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 2, 2018, pp. 198–210. (In Russ.)

9. Ivinskii, A.D. “O dramaturgii M.N. Murav’eva (po materialam OR RGB i OPI GIM)” [“To the Dramatic Heritage of M.N. Muravyov (On the Materials of the RSL and OPI GIM)”]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i izyaka*, vol. 77, no. 3, 2018, pp. 62–71. (In Russ.)

10. Ivinskii, A.D. “O pervom perevode M.N. Murav’eva ‘Zhizn’ Ernesta, po prozvaniiu blagochestivago, gertsoga Saksonsokogo” [“On the First Translation of Mikhail Muravyev: ‘The Life of Ernest the Pious, Duke of Saxe-Gotha’ by Mikhail Muravyev: An Unknown Page in the History of Literary Translation”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 1, 2021, pp. 122–134. (In Russ.)

11. *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevniaia Rus’. XVIII vek* [History of Russian Translated Literature: Medieval Rus’. 18th Century], vol. 2. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996. 269 p. (In Russ.)

12. Kochetkova, N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma: Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniia* [Literature of Russian Sentimentalism: Aesthetic and Artistic Quests]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 282 p. (In Russ.)

13. Kulakova, L.I. “M.N. Murav’ev” [“M.N. Muravyov”]. *Uchenye zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya filologicheskikh nauk*, issue 4, 1939, pp. 4–42. (In Russ.)

14. Kulakova, L.I. “N.I. Novikov v pis’makh M.N. Murav’eva” [“Nikolay Novikov in Mikhail Muravyev’s Letters”]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 11: N.I. Novikov i obshchestvenno-literaturnoe dvizhenie ego vremeni [N.I. Novikov and the Social and Literary Movement of His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 16–23. (In Russ.)

15. Kulakova, L.I. “Poeziia M.N. Murav’eva” [“Poetry of M.N. Muravyev”]. *M.N. Murav’ev. Stikhotvoreniia* [M.N. Muravyev. Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1967, pp. 5–52. (In Russ.)

16. Lazarchuk, R.M. *Druzheskoe pis’mo vtoroi poloviny XVIII veka kak iavlenie literatury* [Friendly Letter in the 2nd Half of the 18th Century as a Literary Phenomenon: PhD Thesis, Summary]. Leningrad, 1972. 19 p. (In Russ.)

17. Murav’ev, M.N. “Russuzhdenie o razlichii slogov vysokogo, velikolepnogo, velichestvennogo, gromkogo, nadutogo” [“Speech on the Difference Between the High, Magnificent, Majestic, Loud and Inflated Style”]. *Opyt trudov Vol’nogo rossiiskogo sobraniia pri imperatorskom Moskovskom universitete* [Works of the Free Russian Assembly at the Imperial Moscow University]. Moscow, V Universitetskoi tipografii, u N. Novikova Publ., 1783, pp. 1–24. (In Russ.)

18. Murav'ev, M.N. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Sovetskii isdatel' Publ., 1967. 396 p. (In Russ.)
19. Pashkurov, A.N., and O.V. Miasnikov. *M.N. Murav'ev: Voprosy poetiki, mirovozzreniia i tvorchestva* [M.N. Muravyov: Questions of Poetics, Worldview and Work]. Kazan, Kazan (Privolzhskiy) Federal University Publ., 2003. 128 p. (In Russ.)
20. Rossi, L. "K voprosu o sootnoshenii epistoliarnoi i khudozhestvennoi prozy v Rossii v poslednei chetverti XVIII veka" ["On the Relationship Between Epistolary and Fiction Prose in Russia in the Last Quarter of the 18th Century"]. *Slavica Tergestina*, issue 2, 1994, pp. 91–115. (In Russ.)
21. Rossi, L. "Sentimental'naia proza M.N. Murav'eva (Novye materialy)" ["M.N. Muravyov's Sentimental Prose (New Materials)"]. *XVIII vek* [18th Century], vol. 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, pp. 114–146. (In Russ.)
22. Sumarokov, A.P. "Perevod povestvovaniia Teramena Tezeiu o smerti Ippolita, iz Fedry Rasinovoi i Stansy" ["Translation of Theramenes' Story to Theseus About the Death of Hippolytus, from Racine's Phèdre and Stanzas"]. *Ezhemesiachnye sochineniia* [Monthly Works], May. St. Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1756, pp. 422–425. (In Russ.)
23. Sumarokov, A.P. "Iz Fedry, Rasinovoi Tragedii Deistviia IV. Iavlenie VI" ["From Racine's Phèdre, Act IV. Scene VI"]. *Modnoe ezhemesiachnoe izdanie, ili Biblioteka dlia damского туалета* [A Fashionable Monthly Publication, or a Library for the Ladies' Toiler], part 1, February. St. Petersburg, Vol'naia Tipografiia Veitbrekhta i Shnora Publ., 1779, pp. 103–106. (In Russ.)
24. Sumarokov, A.P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze* [Complete Collection of All Works in Poems and Proze], part 4. Moscow, V Universitetskoi tipografii, u N. Novikova Publ., 1781. 359 p. (In Russ.)
25. Toporov, V.N. *Iz istorii russkoi literatury* [From the History of Russian Literature], vol. 2: Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka. M.N. Murav'ev. Vvedenie v tvorcheskoe nasledie [Russian Literature of the 2nd Half of the 18th Century. M.N. Muravyov. Introduction to Creative Heritage], book 1–3. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001–2007. (In Russ.)
26. Fomenko, I.Iu. "Iz prozaicheskogo naslediia M.N. Murav'eva" ["From the Prose Heritage of M.N. Muravyov"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1980, pp. 119–126. (In Russ.)
27. Fomenko, I.Iu. *Proza M.N. Murav'eva. Iz istorii russkoi prozy poslednei treti XVIII veka* [Prose of M.N. Muravyov. From the History of Russian Prose of the Last Third of the 18th Century: PhD Dissertation]. Leningrad, 1983. 180 p. (In Russ.)
28. Fomenko, I.Iu. "M.N. Murav'ev i problema individual'nogo stilia" ["Muravyov and the Problem of Individual Style"]. *Na putiakh k romantizmu* [Towards Romanticism]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 52–70. (In Russ.)
29. Evington, A. "Mnenie vo snovidenii o frantsuzskikh tragediiax' Sumarokova: razmyshleniia o vkuse" ["The Opinion in the Dream of French Tragedies' by Sumarokov: Reflections on Taste"]. *XVIII vek* [18th Century], vol. 30: A.P. Sumarokov i russkaia literatura ego vremeni [A.P. Sumarokov and Russian Literature of His Time]. St. Petersburg, Nauka, 2020, pp. 161–169. (In Russ.)